

Спешите делать добрые дела, чтобы не хватило времени на злые...

ЧАСТЬ 1

Гюрза — ядовитая змея семейства гадюк, в длину достигает до 1,6 м, распространена в Северной Африке, Юго-Западной Азии, Закавказье, на юге Казахстана. Питается мелкими зверьками, птицами и ящерицами. Яд смертелен для человека.

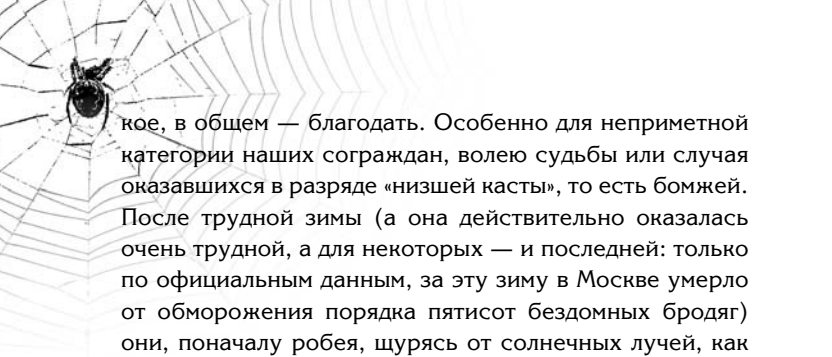
Большой энциклопедический словарь

«У меня была бомжиха, ссала кипяточком, Обещала угостить маленьким глоточком...»

Из фольклора бродяг

1

Незаметно заканчивался апрель, уступая место маю. Дни постепенно становились длиннее, погода теплее, серые промозглые вечера остались в прошлом, и все та-

кое, в общем — благодать. Особенно для неприметной категории наших сограждан, волею судьбы или случая оказавшихся в разряде «низшей касты», то есть бомжей. После трудной зимы (а она действительно оказалась очень трудной, а для некоторых — и последней: только по официальным данным, за эту зиму в Москве умерло от обморожения порядка пятисот бездомных бродяг) они, поначалу робея, щурясь от солнечных лучей, как человек, которого внезапно ослепили мощным софитом, выползали из сырых подвалов, чердаков и других всевозможных трущоб, быстро смелели и развивали активную деятельность, снуя туда-сюда, как муравьи.

По городской свалке брели два представителя сего племени. Если с определением половой принадлежности особых трудностей не возникало, — это шли мужчины, — то угадать возраст было практически невозможно. Каждому из них вполне могло быть и двадцать лет, и все пятьдесят. Одутловатые красные лица с воспаленными глазами, юрко стреляющими по сторонам (нет ли там чего ценного?), закостеневшая от бесконечной носки одежда совершенно уж неопределенного цвета благоухала, как сельский туалет. Впрочем, это не волновало бродяг. Они торопились в приемный пункт — собранного ими цветного металла хватит на два «пузыря» по 0,5 и на «запивку», а если повезет, то и на кирпич «Бородинского»...

— И-и-ых... тьфу! — сплюнул один из них, в вязаной шапочке. Шапочка была серая от пыли и грязи и давно потеряла свой натуральный цвет. — Вот она, весна... Мать ее ети... Давай шевели булками, а то опоздаем! — прикрикнул он на своего спутника. Тот быстро моргнул и прибавил шаг.

— А че это мы в обход идем? Приемка же тут, рядом!

Бомж показал желтым от никотина пальцем на едва видневшуюся тропинку, пролежавшую между бетонным забором и старыми обветшалыми гаражами.

— Такой, блядь, крюк делаем!

Саныч облизал губы, еще раз посмотрел на заманчиво змеящуюся тропинку, которая через каких-то двести метров может вывести к заветному приемному пункту...

— Сказки, — ворчливо передразнил он Гошу.

Однако в голосе Саныча уже проскальзывали нотки сомнения, и Гоша улыбнулся, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов, оставшиеся же были похожи на одинокие штакетины сгнившего забора. Он решил идти ва-банк.

— Как хочешь. Топай в обход, а я к тому времени уже флакон беленькой куплю. Заодно посру.

— Ладно... — не выдержал Саныч. Воображение быстро нарисовало ему картину: Гоша, этот сукин сын, покупает водку раньше его, уютно устраивается за полойкой, открывает бутылку... Нет, этого он допустить не мог. — Только быстро, а то ползешь, как беременная улитка.

— На себя бы посмотрел, помидор на лыжах, — беззлобно ответил Гоша. Тихо переговариваясь, они, хрустя разбитыми подошвами ботинок по бутылочным осколкам, сошли на тропинку и вскоре исчезли из виду. Двое были слишком взволнованы и спешили, чтобы обратить внимание на невысокую мужскую фигуру в невзрачной темной одежде, которая следила за ними уже несколько минут.

Они не прошли и половину пути, как вдруг увидели, что в нескольких шагах на изъеденной ржавчиной железной коробке сидит девушка. Даже не девушка —

девчонка с немного нескладным телом и узким, бледноватым лицом. Она тоже увидела двоих мужчин, волочивших тяжелые сумки, и кокетливо поправила красную курточку. В тонких пальцах была зажата сигарета.

Саныч и Гоша подошли к ней вплотную.

«Парламент» — с ходу узнал сигарету заядлый курильщик Гоша. Крутые сигареты. Не очень подходящее место для раскурки таких папирос, машинально отметил он. Собственно, и сама девушка не выглядела бомжихой — модные туфельки, к которым уже прилипла грязь пустыря, новенькие джинсы, плотно обтягивающие ее стройные ножки, да и куртка не какое-нибудь фуфло китайское... Что она тут делает?

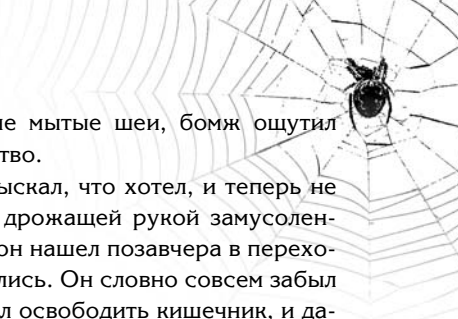
Бомж непроизвольно замедлил шаг, откровенно любуясь девушкой. Она поймала его взгляд и лучезарно улыбнулась.

— Пошли, — коротко ткнул его в бок Саныч. — Че забуксовал?

— Молодые люди, у вас не будет спичек? — хлопая ресницами, спросила девушка. Словно сомневаясь, что ей поверят, она помахала в воздухе потухшей сигаретой.

Гоша с готовностью полез в карман. Для этого ему понадобилось снять с плеча сумку, проклятая лямка которой уже давно натерла ему кожу.

— Нету у нас спичек. И зажигалок тоже, — неприязненно глядя на безмятежно сидевшую красотку, ответил Саныч. — Двигай! — он снова толкнул Гошу, который все еще копошился в своих штанах. Ему вдруг стало не по себе. Будто вечер, суливший им отличное настроение и весомый подогрев в виде пары бутылей, ни с того ни с сего из прекрасного и солнечного превратился в пасмурный и хмурый. И хотя солнце все еще ра-

достно грело их давно не мытые шеи, бомж ощутил странное тревожное чувство.

Гоша тем временем отыскал, что хотел, и теперь не без гордости протягивал дрожащей рукой замусоленную зажигалку, которую он нашел позавчера в переходе. Глаза его гордо искрились. Он словно совсем забыл о Саныче, о том, что хотел освободить кишечник, и даже о том, зачем они вообще пошли по этой тропинке, он видел лишь тонко очерченные губы этой девушки, ее нежные, ухоженные пальчики, между которых была зажата наполовину выкуренная сигарета, и он хотел прижать эти чудесные пальчики к своим губам.

Девушка наклонилась, окунула потухшую сигарету в трепещущее пламя зажигалки и изящно откинулась назад. Подмигнула Гоше и вежливо сказала:

— Благодарю. Я Нелли.

Губы молодого бомжа, сами того не осознавая, разъехались в улыбке:

— А я Гоша.

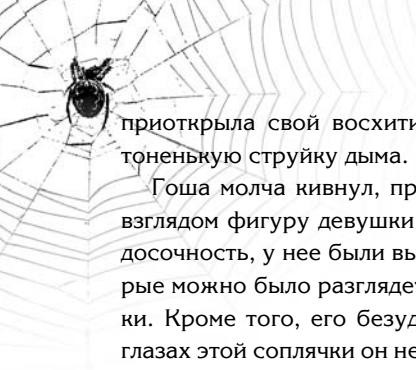
Вспомнив, что последний раз он посещал стоматолога лет тринадцать назад, он запоздало прикрыл рот. Однако девушка, кажется, совсем не обратила на это внимания и продолжала разглядывать его смеющимися глазами.

Саныч, с тревогой наблюдавший за этой сценой, решительно схватил сумку своего друга. Вся эта ситуация ему явно не нравилась, и он уже жалел, что поддался на уговоры компаньона сократить путь.

— Все. Я пошел.

— Э, Саныч, обожди! — Гоша нерешительно затоптался на месте, раздираемый противоречивыми желаниями. Однако Саныч продолжал удаляться.

— Какой строгий у тебя друг, — сказала Нелли. Она

приоткрыла свой восхитительный ротик и выпустила тоненькую струйку дыма. — Проводишь меня?

Гоша молча кивнул, продолжая ощупывать жадным взглядом фигуру девушки. Несмотря на некоторую худосочность, у нее были выпуклые, крепкие груди, которые можно было разглядеть даже через материал куртки. Кроме того, его безудержно возбуждало то, что в глазах этой соплячки он не видел и тени страха, не говоря уж о брезгливости. В больших карих глазах мелькали озорные искорки — и все.

«Проводить?» Он сглотнул слюну, внезапно наполнившую рот. А как же Саныч? Приемка может закрыться, все верно, но если он побежит догонять Саныча, тогда *уйдет* она... Уйдет, и он больше никогда ее не увидит — подобные люди никогда не бывают в таких местах. Одному богу известно, каким ветром ее сюда занесло... а теперь она хочет, чтобы он ее проводил.

Девушка легко соскользнула с коробки, небрежно отряхнула ржавую пыль с аппетитной попки и очутилась рядом с Гошей.

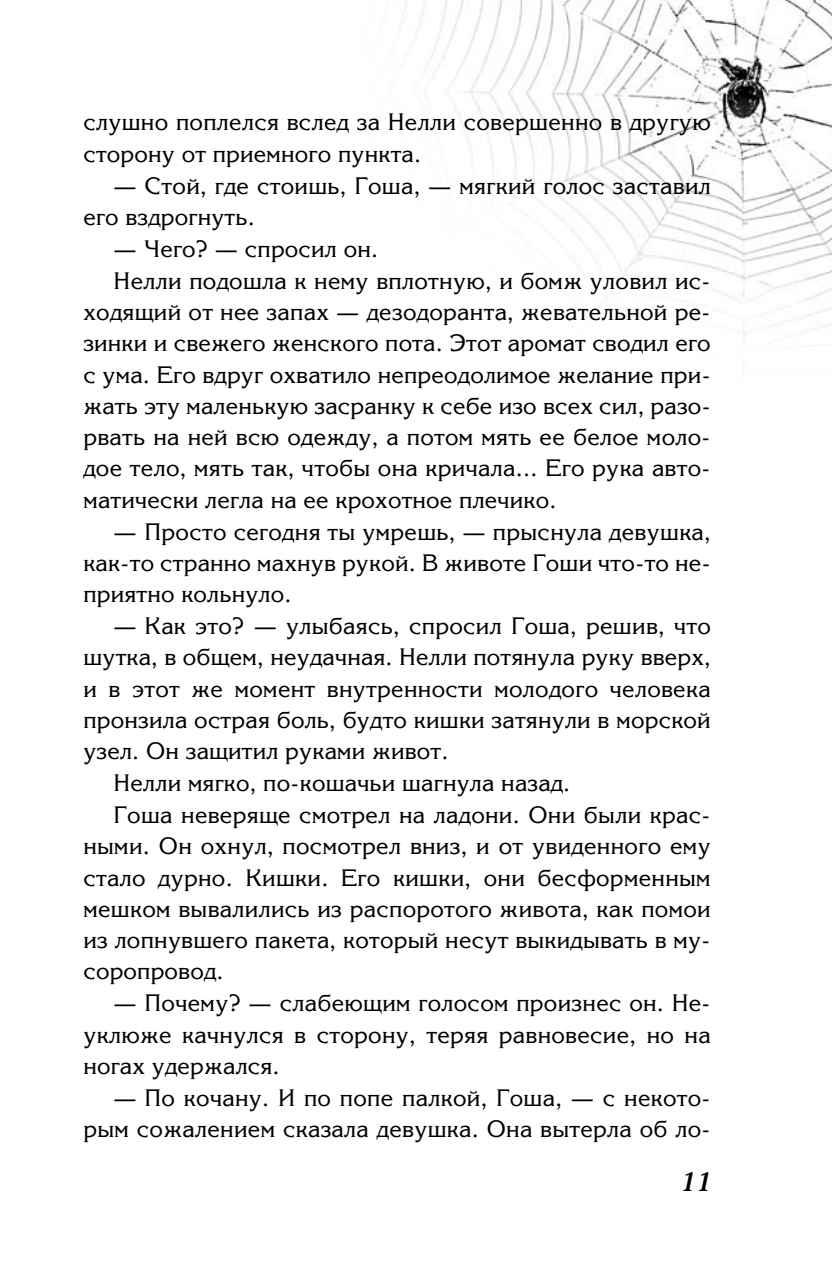
— Ну, так что? — тихо спросила она. — Ты так и будешь стоять и пялиться на меня, как баран? Или сделаешь что-нибудь? Может, тебя интересуют... мальчики? Со сладкими задницами?

Гоша от неожиданности отпрянул назад, обалдело уставившись на девушку.

— Рот-то закрой. А то пыль налетит, — с усмешкой сказала Нелли. Она затоптала окурков ногой. — Пошли, Георгий, как там тебя?

— Семенович, — голос бомжа стал хриплым.

— Георгий Семенович! — пропела девушка и многозначительно улыбнулась. Она пошла вперед. Гоша по-

слушно поплелся вслед за Нелли совершенно в другую сторону от приемного пункта.

— Стой, где стоишь, Гоша, — мягкий голос заставил его вздрогнуть.

— Чего? — спросил он.

Нелли подошла к нему вплотную, и бомж уловил исходящий от нее запах — дезодоранта, жевательной резинки и свежего женского пота. Этот аромат сводил его с ума. Его вдруг охватило непреодолимое желание прижать эту маленькую засранку к себе изо всех сил, разорвать на ней всю одежду, а потом мять ее белое молодое тело, мять так, чтобы она кричала... Его рука автоматически легла на ее крохотное плечико.

— Просто сегодня ты умрешь, — приснула девушка, как-то странно махнув рукой. В животе Гоши что-то неприятно кольнуло.

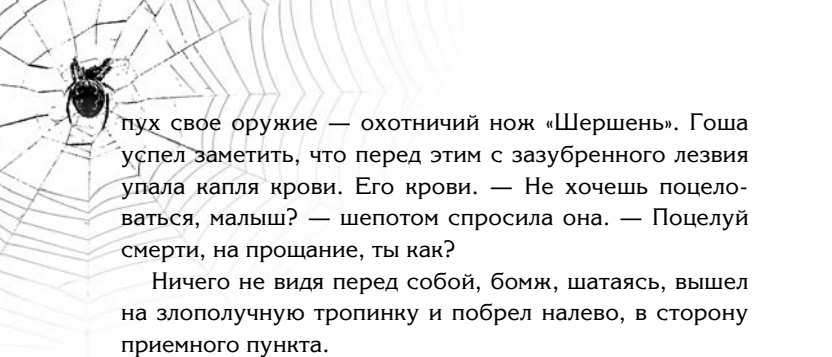
— Как это? — улыбаясь, спросил Гоша, решив, что шутка, в общем, неудачная. Нелли потянула руку вверх, и в этот же момент внутренности молодого человека пронзила острая боль, будто кишки затянули в морской узел. Он защитил руками живот.

Нелли мягко, по-кошачьи шагнула назад.

Гоша неверяще смотрел на ладони. Они были красными. Он охнул, посмотрел вниз, и от увиденного ему стало дурно. Кишки. Его кишки, они бесформенным мешком вывалились из распоротого живота, как помой из лопнувшего пакета, который несут выкидывать в мусоропровод.

— Почему? — слабым голосом произнес он. Неуклюже качнулся в сторону, теряя равновесие, но на ногах удержался.

— По кочану. И по попе палкой, Гоша, — с некоторым сожалением сказала девушка. Она вытерла об ло-

пух свое оружие — охотничий нож «Шершень». Гоша успел заметить, что перед этим с зазубренного лезвия упала капля крови. Его крови. — Не хочешь поцеловаться, малыш? — шепотом спросила она. — Поцелуй смерти, на прощание, ты как?

Ничего не видя перед собой, бомж, шатаясь, вышел на злополучную тропинку и побрел налево, в сторону приемного пункта.

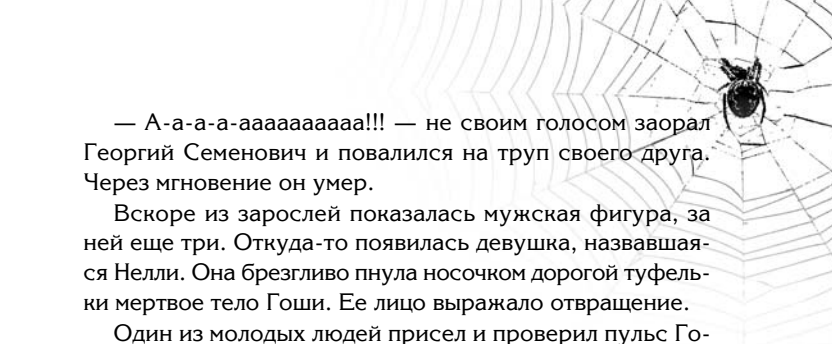
Девушка проводила его спокойным взглядом, затем вытащила из нагрудного кармана крошечный мобильный телефон и набрала чей-то номер.

— Да. Ага, идет к вам, — сказала она кому-то.

«В обход. Нужно было идти в обход, — стучало в голове Гоши. Господи, какой же он кретин, что не послушался Саныча... — Быстрее, вызвать «Скорую»...» Он быстро терял силы и знал — еще немного, и он упадет. А падать никак нельзя... Ему казалось, будто внутри его кто-то безжалостно скручивает стальную проволоку, туго перетягивая печень, селезенку, добираясь до сердца. Горячая кровь струилась между пальцев, внутренности почти полностью вывалились наружу, и молодой человек старательно поддерживал их руками.

В штанах неожиданно появился теплый блин, и Гоша не сразу сообразил, что его организм проблему с перегруженным кишечником решил самостоятельно. Перед глазами сгущался розовый туман, но он все же разглядел, что на тропинке кто-то лежит. Сделав еще два шага, Гоша споткнулся и упал на колени. От удара клубок кишок не удержался на руках и упал в грязь, прямо перед ним.

Он узнал лежащего. Это был Саныч. Узнал по одежде, потому что вместо лица увидел красное тесто.

— А-а-а-а-аааааааа!!! — не своим голосом заорал Георгий Семенович и повалился на труп своего друга. Через мгновение он умер.

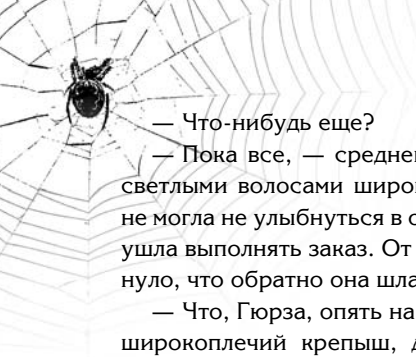
Вскоре из зарослей показалась мужская фигура, за ней еще три. Откуда-то появилась девушка, назвавшаяся Нелли. Она брезгливо пнула носочком дорогой туфельки мертвое тело Гоши. Ее лицо выражало отвращение.

Один из молодых людей присел и проверил пульс Гоши. Затем поднялся и удовлетворенно кивнул. Все так же, не говоря ни слова, они исчезли. Незаметно и бесшумно, как призраки.

Трупы обнаружили только через два дня. На страшную находку наткнулся мужчина, который искал свою собаку. Его французский бульдог, которого он выгуливал, внезапно погнался за дворовой кошкой, а та бросилась к свалке. Вот так, предельно просто. Приехавшие по вызову сотрудники милиции взяли у мужчины объяснение и, закурив, стали ждать труповозку. Приближаться к начинающим разлагаться трупам они не спешили — к специфическому запаху помойки от их одежды примешивался стойкий аромат фекалий. Только после того, как мертвые тела без особых церемоний были заброшены в труповозку, мужчину отпустили. Проходя мимо куривших сержантов, он краем уха услышал, как один из них обронил какую-то фразу, из которой он расслышал только что-то по поводу тенденции.

2

— Две «Сибирские короны», один «Туборг» 0,33, двести грамм «Флагмана», соки — томатный и абрикосовый... Так... Еще — 500 грамм креветок, маринованные шампиньоны и один жульен.

— Что-нибудь еще?

— Пока все, — среднего роста молодой человек со светлыми волосами широко улыбнулся, и официантка не могла не улыбнуться в ответ. Захлопнув блокнот, она ушла выполнять заказ. От взгляда блондина не ускользнуло, что обратно она шла, нарочито виляя бедрами.

— Что, Гюрза, опять на сок перешел? — спросил его широкоплечий крепыш, для которого была заказана водка.

— Перешел... Позавчера выпил пива, потом всю ночь размышлял, чем отличается диарея от поноса.

Раздался негромкий смех. Блондин тоже усмехнулся, однако его глаза напоминали две хрустальные льдинки.

— Это плохо, Гюрза. Значит, печень пошаливает, — произнес третий юноша. У него были длинные темные волосы, собранные в хвост. Он вытащил пачку и, обнаружив, что последняя сигарета переломлена пополам, обратился к сидящей рядом девушке:

— Любимая, у тебя еще осталось чем травиться?

Та утвердительно кивнула и протянула ему пачку «Парламента». Длинноволосый юноша выбрал сигарету и с наслаждением затянулся.

— Алекс, твои сегодня дома? — поинтересовалась девушка.

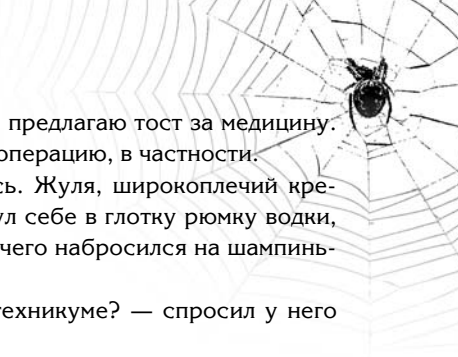
Тот выпустил дым и отрицательно покачал головой.

— Все в силе, — он бросил взгляд на блондина. — Гюрза, подбросишь?

Блондин молча кивнул.

Пока молодые люди лениво перебрасывались фразами, официантка принесла заказ.

Алекс поднял бокал с пивом. Лицо его было скорбно-торжественное, как у священника, принимающего исповедь у приговоренного к смерти грешника.

— Уважаемые коллеги, предлагаю тост за медицину. И успешно проведенную операцию, в частности.

Все выпили, не чокаясь. Жуля, широкоплечий крепыш, выдохнув, опрокинул себе в глотку рюмку водки, слегка сморщился, после чего набросился на шампиньоны.

— Как твои успехи в техникуме? — спросил у него блондин.

— Как в самолете. Тошнит, а блевануть не могу, — торопливо прожевывая грибы, отозвался Жуля и хохотнул, радуясь удачной шутке. Впрочем, сидящих ребят она не особо обрадовала, девушка даже скривила губки.

— А точнее?

— Гюрза, чего привязался? — недовольно произнес Жуля. Он вытер рот и полез за сигаретами.

— Потому что я тут кое-что узнал. Тебя ведь выперли. Так? — юноша в упор смотрел своими глазами-льдинками на Жулю. На мгновение тот смутился, но быстро взял себя в руки.

— Ну выперли. А ты откуда знаешь? — он с вызовом посмотрел на блондина.

— Птичка напела. Выкладывай.

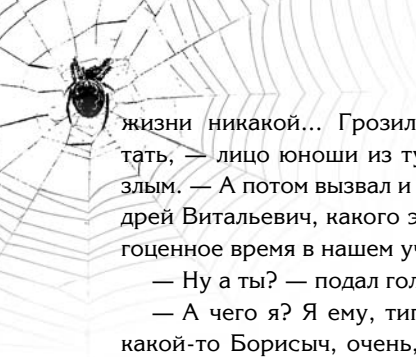
— Что?

— Все выкладывай, за что и как.

Жуля закурил, не спеша убрал пачку в карман. Рукав футболки задрался, обнажая накачанный бицепс, который опоясывала цветная татуировка в виде затейливого орнамента с вкрапленным словом «*BULLY*»¹. Надпись была исполнена готическим шрифтом, и прочитать ее с первого раза удавалось не всем.

— Препад там один... Чмо педальное, затрахал уже,

¹ От англ. — забияка, задира.

жизни никакой... Грозился декану докладную накатать, — лицо юноши из туповато-безразличного стало злым. — А потом вызвал и говорит: «Не могу понять, Андрей Витальевич, какого это хера вы тратите свое драгоценное время в нашем учебном заведении?»

— Ну а ты? — подал голос Алекс.

— А чего я? Я ему, типа: «Понимаете, Дмитрий там какой-то Борисыч, очень, типа, хочу строить мосты и все такое». Он смотрит на меня так жалостливо, будто я шизофреник какой, и говорит: «Очень жаль, Андрей Витальевич, но ваши знания у нас ни х... не прокатят...»

— Что, так и сказал? — не поверил Алекс, отхлебнув пива.

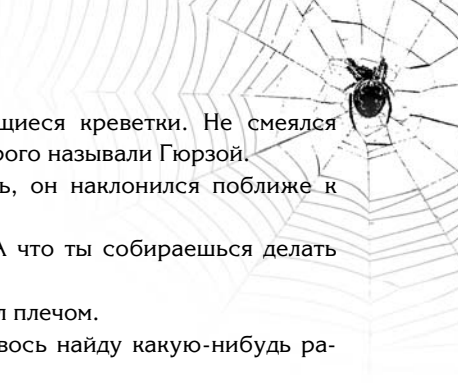
— Ну, типа того. — Жуля взял креветку, содрал с нее панцирь и ловко закинул ее в рот. — Сказал, что он не пустил бы гусей через мост, который бы спроектировал я.

Он наполнил рюмку из запотевшего графина.

— Ну, и дальше? — В голосе блондина проскользнули нетерпеливые нотки.

— Короче, он мне предложил валить из технаря. Я стою, совершенно офигевший, смотрю на него, а он как ни в чем не бывало: «Что-то непонятно? Вы что-то хотите, Андрей Витальевич?» И улыбается, слащаво так, гнида! Ну, я не выдержал и говорю: «Да, Дмитрий как вас там Хреныч, я кое-что хочу. Я хочу поехать к своей бабушке в деревню, целую неделю жрать там самогон, плясать на дискотеке в местном ДК с толстыми доярками и не мыться при этом, а потом приехать к вам, снять трусы и дать вам понюхать свою писю...»

Последнее слово Жули заглушил смех, даже девушка захихикала, прикрывая рот ладошкой. Довольный произведенным впечатлением, Жуля глупо улыбался, про-

должая поглощать дымящиеся креветки. Не смеялся один лишь блондин, которого называли Гюрзой.

Когда все уgomонились, он наклонился поближе к Жуле и сказал:

— Очень остроумно. А что ты собираешься делать дальше, Жуля?

Юноша беспечно повел плечом.

— Там видно будет. Авось найду какую-нибудь рабoтенку.

— Какую? — холодно улыбнулся блондин. — Дворником? Расклейщиком объявлений?

— Да что ты прицепился, Гюрза? — вдруг разозлился Жуля. Его кругловатое лицо снова стало злым, маленькие глазки недобро сощурились. — В армии я отколбасился, ну подумаешь, не вышло с технарем... Да и не нравилось мне там никогда. Я сам разберусь, не лезь в мои дела.

— Вечером позвони мне, — не обращая внимания на его грубый тон, ответил Гюрза.

Жуля немного успокоился и допил остатки водки.

Посидев еще несколько минут, блондин спросил, обведя всех взглядом:

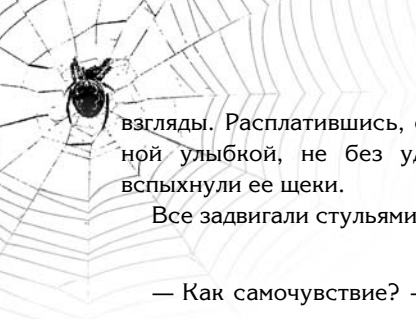
— Снимаемся?

Он остановил взгляд на невзрачном молодом человеке с плоским лицом. У него были бесцветные глаза, будто, когда его создавали, в палитре закончилась краска, узкий хищный рот, волосы на голове острижены почти наголо. За весь вечер он проронил лишь одну-две фразы.

— Мика, все о'кей?

Юноша кивнул.

— Девушка, будьте добры, счет! — крикнул блондин проходящей мимо официантке. Он заметил, что во время застолья она изредка бросала на него пристальные

взгляды. Расплатившись, он одарил ее своей фирменной улыбкой, не без удовлетворения отметив, как вспыхнули ее щеки.

Все задвигали стульями, выбираясь из-за стола.

— Как самочувствие? — спросил Алекс у девушки, когда они остались втроем в машине — «Фольксваген Пассат» цвета «лагуна-металлик». Гюрза за рулем, Алекс с Нелли расположились на заднем сиденье.

— Да все в порядке, — немного капризным голосом отозвалась она. — Спать хочу.

Какое-то время они ехали в полной тишине, затем Алекс снова заговорил:

— Я уж думал, сегодня облом выйдет. А эти лохи просто случайно забрели.

— Ничего не случайно, — не отрываясь от дороги, проговорил Гюрза. — Они торопились цветмет сдать — у них полные сумки такого хлама. А этот путь самый короткий.

— Может, и так, — согласился Алекс. Он ласково обнял сонную девушку. — Что ты на этот раз придумала?

Нелли фыркнула, прижимаясь к нему.

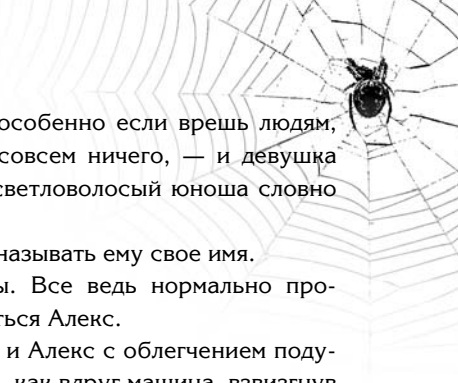
— Там и придумывать было нечего. Он как только меня увидел, у него слюни в пять ручьев потекли... Стоит, улыбается, прямо как наш Жуля.

При упоминании о Жуле Алекс издал смешок.

— Он мне: «Меня зовут Гоша». А я ему говорю: «Я Нелли... Проводите меня». А он...

— Ты назвала ему свое имя? — перебил ее Гюрза, и что-то прозвучавшее в его голосе заставило девушку вздрогнуть. Она неуверенно посмотрела на Алекса, словно ища в нем поддержки, и медленно ответила:

— Ну да. Не вижу смысла врать, — она вдруг хихик-

нула. — Это нехорошо, особенно если врешь людям, которым осталось жить совсем ничего, — и девушка жестко улыбнулась. Но светловолосый юноша словно не слышал ее.

— Ты не должна была называть ему свое имя.

— Гюрза, да брось ты. Все ведь нормально прошло, — попытался вмешаться Алекс.

Тот ничего не ответил, и Алекс с облегчением подумал, что вопрос исчерпан, как вдруг машина, взвизгнув шинами, резко затормозила.

— Эй, ты что? — испуганно вскрикнула Нелли.

Блондин остановил «Фольксваген» и обернулся. Лицо его было спокойно, но Алекс знал, что тот едва сдерживается от ярости.

— Девочка, запомни, что я тебе скажу. Хочешь бесплатную путевку в Магадан? Сколько раз было сказано — никаких имен. Никаких кличек и тому подобное... запомни это раз и навсегда!

— Гюрза... — начал было Алекс, но тот его оборвал:

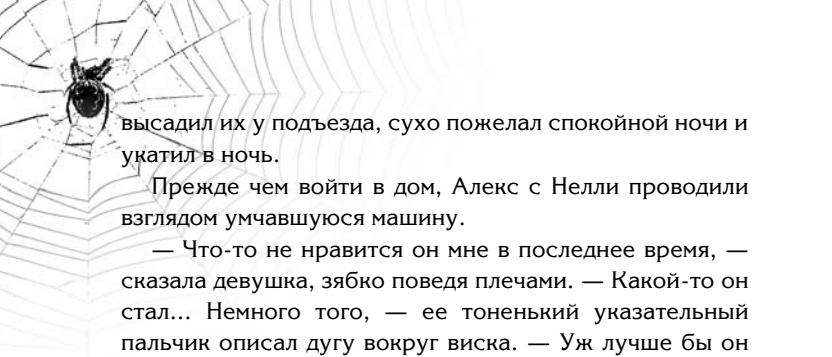
— Не лезь, Алекс. Мы с вами не мелочь по карманам тырим, соображаешь?!

Алекс прикусил язык. Нелли с неприязнью смотрела на блондина, красивые руки нервно теребили лямку кожаной сумочки.

— Нелли... ты поняла? — тон Гюрзы неожиданно стал мягким. Девушка кивнула, сильнее прижимаясь к Алексу.

— Ну и ладушки, — удовлетворенно сказал Гюрза и завел машину. — Чтобы это было в последний раз, — как бы мимоходом обронил он. Алекс с Нелли переглянулись, но решили промолчать.

Остаток пути они доехали в полной тишине. Гюрза

высадил их у подъезда, сухо пожелал спокойной ночи и укатил в ночь.

Прежде чем войти в дом, Алекс с Нелли проводили взглядом умчавшуюся машину.

— Что-то не нравится он мне в последнее время, — сказала девушка, зябко поведя плечами. — Какой-то он стал... Немного того, — ее тоненький указательный пальчик описал дугу вокруг виска. — Уж лучше бы он кричал на меня... Это я, в конце концов, могу понять. Но этот его вкрадчивый тон... Он действительно похож на змею.

Алекс поцеловал ее в губы.

— Пойдем, — тихо проговорил он, и они вошли в подъезд.

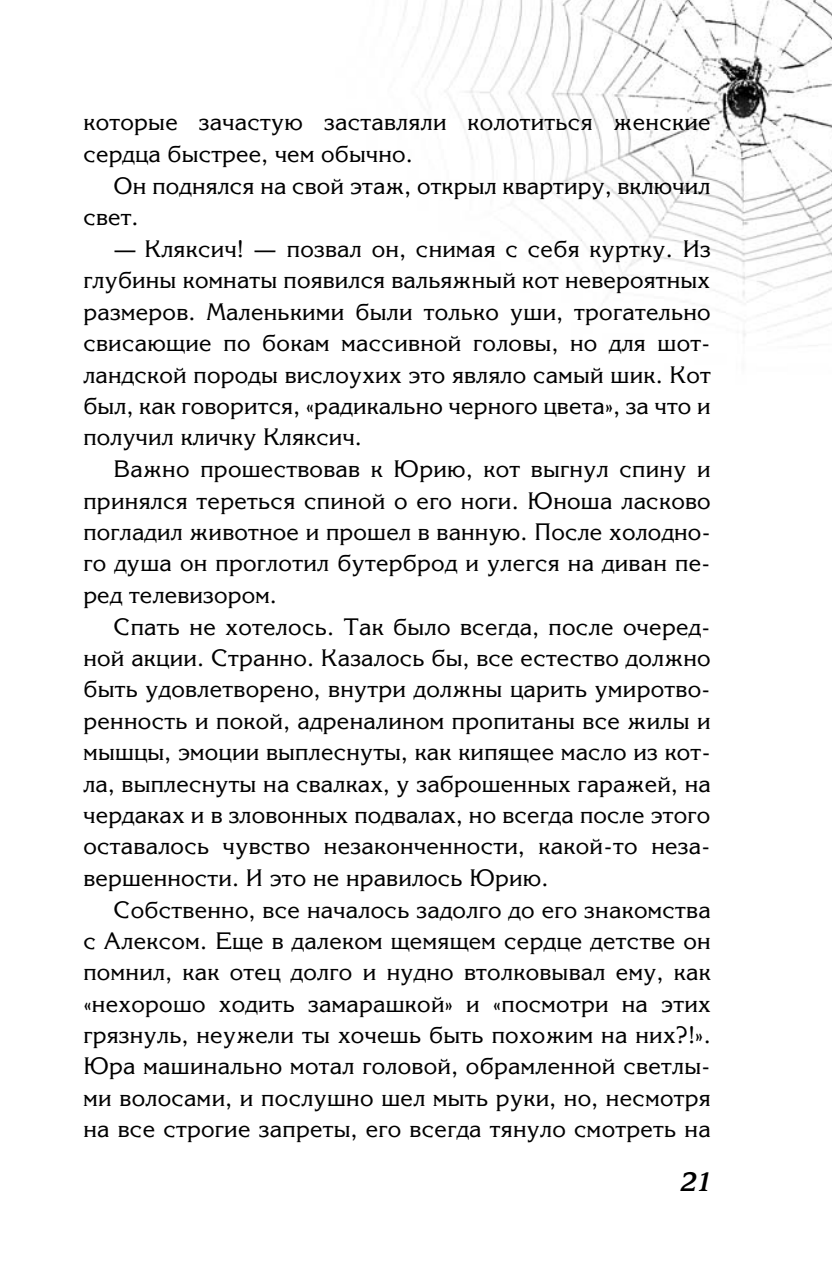
3

Светловолосый юноша, которого молодые люди называли Гюрзой, умело припарковал свой «Фольксваген», каким-то невообразимым образом умудрившись втиснуть его между потрепанной «Нивой» и забрызганной грязью «Дэу Нексия». Вылез из автомобиля, пикнул сигнализацией. Машина послушно моргнула фарами.

Юноша мягко провел рукой по блестящей гладкой поверхности капота.

— Спасибо тебе, — прошептал он и направился к подъезду.

Настоящее имя этого молодого человека было Юрий Тягушев. Двадцатилетний студент четвертого курса юридического факультета МГУ, уверенно идущий к красному диплому, обладатель синего пояса по тэквандо (именно на тренировках он и получил кличку этой экзотической змеи), с неплохими внешними данными,

которые зачастую заставляли колотиться женские сердца быстрее, чем обычно.

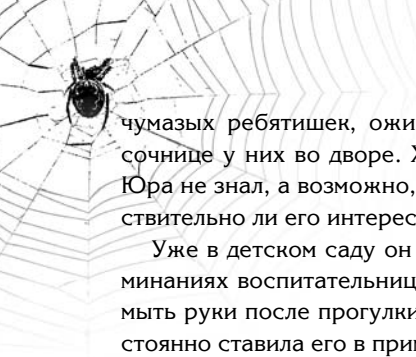
Он поднялся на свой этаж, открыл квартиру, включил свет.

— Кляксич! — позвал он, снимая с себя куртку. Из глубины комнаты появился вальяжный кот невероятных размеров. Маленькими были только уши, трогательно свисающие по бокам массивной головы, но для шотландской породы вислоухих это являло самый шик. Кот был, как говорится, «радикально черного цвета», за что и получил кличку Кляксич.

Важно протренировавшись к Юрию, кот выгнул спину и принялся тереться спиной о его ноги. Юноша ласково погладил животное и прошел в ванную. После холодного душа он проглотил бутерброд и улегся на диван перед телевизором.

Спать не хотелось. Так было всегда, после очередной акции. Странно. Казалось бы, все естество должно быть удовлетворено, внутри должны царить умиротворенность и покой, адреналином пропитаны все жилы и мышцы, эмоции выплеснуты, как кипящее масло из котла, выплеснуты на свалках, у заброшенных гаражей, на чердаках и в зловонных подвалах, но всегда после этого оставалось чувство незаконченности, какой-то незавершенности. И это не нравилось Юрию.

Собственно, все началось задолго до его знакомства с Алексом. Еще в далеком щемящем сердце детстве он помнил, как отец долго и нудно втолковывал ему, как «нехорошо ходить замарашкой» и «посмотри на этих грязнуль, неужели ты хочешь быть похожим на них?!». Юра машинально мотал головой, обрамленной светлыми волосами, и послушно шел мыть руки, но, несмотря на все строгие запреты, его всегда тянуло смотреть на

чумазных ребятишек, оживленно копошившихся в песочнице у них во дворе. Хотел ли он быть среди них? Юра не знал, а возможно, просто не задумывался, действительно ли его интересует ответ на этот вопрос.

Уже в детском саду он не нуждался в лишних напоминаниях воспитательницы о том, что необходимо вымыть руки после прогулки и все такое прочее, и та постоянно ставила его в пример другим детям. Мальчишки смеялись над ним, когда на прогулке маленький Юра тщательнейшим образом протирал качели носовым платком, прежде чем сесть на них. Мало того, после прогулки он стирал этот платок и аккуратно вешал его сушиться на батарею, чтобы во время тихого часа тот высох. Впервые увидев эту процедуру, глаза воспитательницы поползли на лоб. После вопроса Юре: «Зачем ты это делаешь?» — он невозмутимо отвечал: «Ведь после полдника снова гулять?»

С третьего класса он начал носить с собой в школу маленькую щетку и банку гуталина и постоянно подчищал обувь. По возможности, он старался не пользоваться школьными туалетами, но если терпеть уже было невозможно, он всегда подкладывал салфетки, которые тоже всегда таскал с собой. Руки мыл на каждой перемене.

Бомжей стало значительно больше, когда началась перестройка, и их количество неуклонно росло. Никакие социальные программы и громкие лозунги о повышении уровня жизни населения не могли помешать росту армии бездомных бродяг, которые стали тем, кем они стали как в силу субъективных причин, так и объективных жизненных реалий.

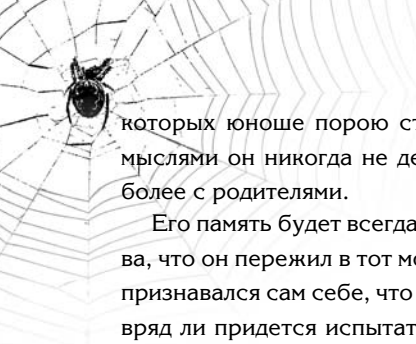
Юра никогда не забудет, как однажды он с отцом (тогда у них еще не было машины) ехали в метро, и на

одной из станций в вагон в буквальном смысле вполз какой-то старый бомж. Происшедшая метаморфоза поразила маленького Юру — только что вагон был забит до отказа пассажирами, но стоило появиться забулдыге, как все куда-то рассосались. Пассажиры каким-то непостижимым образом ухитрились размазаться вдоль стенок, лишь бы не оказаться в опасной близости от бомжа, разве что на потолок не вскарабкавались. Тут же поплыл жуткий запах — адская смесь мочи, застоялого пота и перегара. Ничтоже сумняшеся, бомж уселся на освободившееся сиденье прямо напротив Юры с папой и занялся важным делом — обгрызанием коросты с рук, покрытых мокнущими язвами. Юра во все глаза смотрел на него, отец же брезгливо отвернулся, закрыв нос платком. На следующей станции они вышли, бомж к тому времени уже начинал ерзать, поудобнее укладываясь на сиденье, по всей видимости, намереваясь вздремнуть.

После этого прошло почти двенадцать лет, но перед глазами Юрия всегда будет стоять эта картина — очумевшие лица людей, воротящих носы от вони, и это разлагающееся нечто, которое с невозмутимым видом выгрызало с рук незаживающие болячки... И с того момента он возненавидел «их».

В метро он теперь почти не ездил, так как пересел сначала на «десятку», а потом отец (к тому времени уже переехавший с матерью в Канаду) добавил ему на «Фольксваген». Но «они» все равно постоянно напоминали о себе своим присутствием, суетливо ковыряясь в какой-нибудь урне либо выклянчивая мелочь у пивного ларька. И каждый раз при виде «их» сердце Юрия как-то странно замирало, словно предвкушая неожиданное зрелище, в голове появлялись посторонние мысли, от

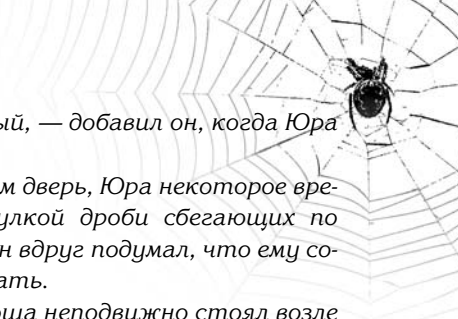

которых юноше порою становилось неуютно. Такими мыслями он никогда не делился ни с друзьями, ни тем более с родителями.

Его память будет всегда хранить тот случай, те чувства, что он пережил в тот момент (впоследствии он часто признавался сам себе, что подобные ощущения ему уже вряд ли придется испытать), это было сродни первому оргазму — ошеломляющему, сумасшедшему, сладкому, как холодный арбузный сок...

Это произошло на втором курсе, когда Юре было восемнадцать. Он уже год жил один, и это его вполне устраивало — родители рано приучили его к самостоятельной жизни. Стоял февраль, самая середина. Прошлым вечером у Юры в квартире отмечали какую-то вечеринку, какую — он уже и не помнил. Народ разошелся уже глубоко за полночь, у него остался ночевать лишь Андрей из параллельной группы. Он слишком усердно весь вечер смешивал виски с темным пивом, безуспешно пытаясь остаться при этом в кондиции. Наутро Андрей должен был встречать посылку из Астрахани, о чем он успел сообщить Юре, дабы тот встряхнул его в нужное время... В положенный час Андрей был разбужен и в состоянии анабиоза поковылял домой. Через минуту в дверь раздался звонок. Юрий в раздражении кинулся открывать, мысленно желая звонившему провалиться ко всем чертям. На пороге стоял взъерошенный Андрей.

— Юр, я шарф забыл, —дохнул он парами выпитого виски с пивом. —Кстати, там у тебя на лестнице божж дрыхнет. Я бы на твоём месте ментов

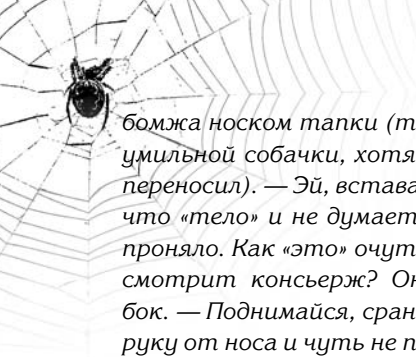
вызвал, вдруг он заразный, — добавил он, когда Юра протянул ему шарф.

Закрыв за сокурсником дверь, Юра некоторое время прислушивался к гулкой дроби сбегających по ступенькам ботинок. Он вдруг подумал, что ему совершенно не хочется спать.

Некоторое время юноша неподвижно стоял возле закрытой двери в полной темноте, слыша только собственное дыхание. Затем надел тапки и выскользнул на лестничную площадку, аккуратно прикрыв за собой дверь. На лестничном пролете между пятым и четвертым этажами он увидел «его». Впрочем, сначала Юра почувствовал жуткий запах и громогласный храп. Прикрыв нос рукой, он подошел вплотную к спящему бомжу. Надо сказать, тот спал прямо-таки по-королевски — раскинув в стороны руки и ноги, как будто бы у него выдался чертовски сложный денек и ему пришлось принимать массу ответственных решений. Облезлая ушанка закрывала его глаза от света флюоресцентных ламп, одутловатое лицо в каких-то грязных потеках, рот приоткрыт, подбородок блестел от подсыхающей слюны. Одет он был в старое демисезонное пальто, один рукав которого был почему-то обмотан шнурком. Обувь бродяги (две раскисшие кроссовки разного цвета и размера) стояла у батареи, и из его драных, похожих на дурилаг носков торчали пятки, которые в последний раз мыли, наверное, при рождении.

Юра не отрываясь смотрел на лежащее тело, чувствуя, что, несмотря на прикрытый рукой нос, его сейчас вырвет.

— Эй, — прошептал он, осторожно коснувшись

бомжа носком тапки (тапка была в виде пушистой умильной собачки, хотя самих собак Юра на дух не переносил). — Эй, вставай! — повысил он голос, видя, что «тело» и не думает просыпаться. Наконец его проняло. Как «это» очутилось в его подъезде? И куда смотрит консьерж? Он сильно ударил бродягу в бок. — Поднимайся, срань! — крикнул Юра. Он убрал руку от носа и чуть не пошатнулся от дикого смрада — похоже, этот грязный хер еще и обделался во сне. Он снова ударил бомжа, и тот наконец подал первые признаки пробуждения. Лениво перевернувшись на бок, он приоткрыл один заплывший глаз и коротко выдал:

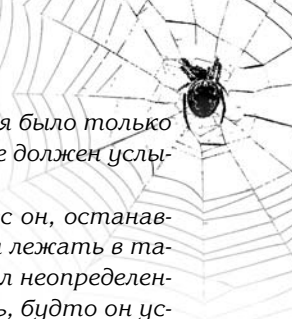
— Пошел на х...

После этого он надвинул ушанку еще глубже на глаза и захрапел с удвоенной силой.

Юру обуяла ярость. «Пошел на х...»? О'кей, нет проблем!

Развернувшись, он взлетел на свой этаж. Нет, он поднялся к себе не затем, чтобы вызвать милицию, и уж тем более не потому, что решил плюнуть на валяющегося в собственных экскрементах спящего бомжа и лечь спать. Шлепая задниками тапок-собачек, он прошел на кухню и щелкнул кнопкой электрического чайника. Весело замерцала оранжевая лампочка, извещая, что вода скоро вскипит.

Когда все было готово, он достал из шкафа небольшую хромированную кастрюльку и перелил туда кипяток. Настроение заметно поднялось, внутри все пело и звенело, и Юра понял, что сегодняшний день привнес в его жизнь нечто очень важное, настолько важное, что оставалось только недоумевать, как эта мысль не посетила его раньше.

Обратно он шел не торопясь. Время было только 6:30, выходной день, и никто ничего не должен услышать и узнать.

— Привет, говно, — тихо произнес он, останавливаясь перед спящим. Тот оставался лежать в такой же «королевской» позе. Вяло сделал неопределенный жест рукой, что могло означать, будто он услышал Юру и таким образом отвечает на приветствие.

— Я принес тебе чайку, — процедил юноша и сбросил с божья носком своей «собачки» ушанку. Сморщился, увидев покрытый струпьями чумазый голый череп. Он вдохнул пар, шедший из кастрюльки, и после этого стал лить кипяток на лицо бродяги...

Нечеловеческий вопль испугал его, и рука дрогнула. Несколько капель воды попали на его «собачки».

Юра пришел в себя только в своей квартире, закрыв дверь на все замки. Он закрыл уши, потому что на лестнице творилось нечто страшное, и это потом долго преследовало его по ночам. Он швырнул на пол кастрюлю, скинул с ног «собачек» и бросил их в мусорное ведро. Затем прошел в гостиную и включил телевизор, стараясь привести свои мысли в порядок, но жуткие крики, казалось, заглушали все на свете, проникая через двойную железную дверь и сводя с ума своей болью...

Неожиданно зазвонил телефон. Юра взял трубку.

— Слушаю.

— Гюрза, это Жуля, — ворвался в ухо знакомый неперепеливый голос. — Ты сказал, чтобы я позвонил...

— Я помню. — Юноша немного помолчал, затем ска-

зал: — Жуля, я не вправе учить тебя жизни... тебе уже не пятнадцать лет, и свои сопли ты в состоянии подтирать сам.

— Ты о чем? — В голосе Жули сквозило недоумение.

— Я о том, что пора подумать о своих перспективах. За твою выходку в технаре следовало бы дать тебе в репу, ты понимаешь, о чем я?

— Гюрза, я...

— Помолчи. Ты знал, каких геморроев мне стоило пропихнуть тебя в это заведение. А ты взял и все просрал. Тебе весело? Молодец, сегодня ты всех рассмешил. Только ребята через пять минут забыли о твоей байке, а ты оказался в жопе. Что будешь дальше делать? Раздавать у метро бумажки с надписью «ПОХУДЕТЬ НЕДОРОГО БЫСТРО»? Чтобы до конца жизни тебя называли Жулей?

В трубке некоторое время недовольно сопели. Затем Жуля подал голос:

— Не знаю, Гюрза, но почему-то только тебе я разрешаю разговаривать со мной в таком тоне. Извини, конечно, если я тебя подвел с технарем, но... не могу я так. Для меня эта учеба хуже армии.

— Хорошо, — сказал Юра, однако по его голосу было видно, что ничего хорошего он в этом не видит. Никаких, в задницу, «хорошо». — Как насчет... Охраны? А, Жуля?

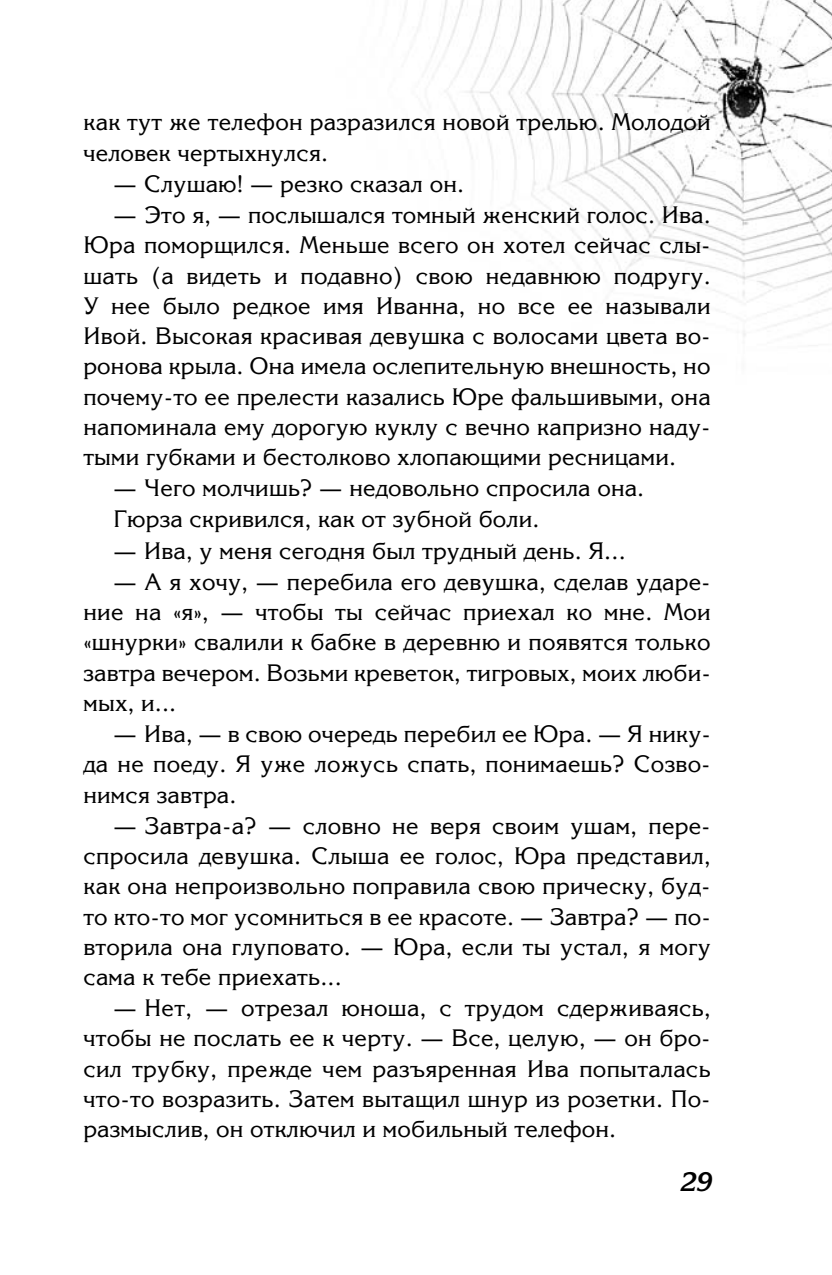
— Охраны? — с сомнением протянули на том конце провода. — Сколько башляют?

— Шестьсот «зеленых», сутки через трое, плюс обеда, — пояснил Юра.

— А че делать-то? — оживленно спросил Жуля.

— Склады будешь в одной компании сторожить. Подробности завтра.

Они распрощались. Только Юра нажал кнопку «off»,

как тут же телефон разразился новой трелью. Молодой человек чертыхнулся.

— Слушаю! — резко сказал он.

— Это я, — послышался томный женский голос. Ива. Юра поморщился. Меньше всего он хотел сейчас слышать (а видеть и подавно) свою недавнюю подругу. У нее было редкое имя Иванна, но все ее называли Ивой. Высокая красивая девушка с волосами цвета воронова крыла. Она имела ослепительную внешность, но почему-то ее прелести казались Юре фальшивыми, она напоминала ему дорогую куклу с вечно капризно надутыми губками и бестолково хлопающими ресницами.

— Чего молчишь? — недовольно спросила она.

Гюрга скривился, как от зубной боли.

— Ива, у меня сегодня был трудный день. Я...

— А я хочу, — перебила его девушка, сделав ударение на «я», — чтобы ты сейчас приехал ко мне. Мои «шнурки» свалили к бабке в деревню и появятся только завтра вечером. Возьми креветок, тигровых, моих любимых, и...

— Ива, — в свою очередь перебил ее Юра. — Я нигде не поеду. Я уже ложусь спать, понимаешь? Созвонимся завтра.

— Завтра-а? — словно не веря своим ушам, переспросила девушка. Слыша ее голос, Юра представил, как она непроизвольно поправила свою прическу, будто кто-то мог усомниться в ее красоте. — Завтра? — повторила она глуповато. — Юра, если ты устал, я могу сама к тебе приехать...

— Нет, — отрезал юноша, с трудом сдерживаясь, чтобы не послать ее к черту. — Все, целую, — он бросил трубку, прежде чем разъяренная Ива попыталась что-то возразить. Затем вытащил шнур из розетки. Поразмыслив, он отключил и мобильный телефон.